

На правах рукописи

НЕМЦОВА Надежда Михайловна

**КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА
В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЯХ
С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО И М. ГОРЬКОГО
(на материале переписки 1910–1930-х годов)**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2003

Работа выполнена на кафедре русской филологии Тамбовского государственного технического университета

Научный руководитель доктор филологических наук
Хворова Людмила Евгеньевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сатарова Людмила Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент
Матушкина Валентина Ивановна

**Ведущая организация *Магнитогорский
государственный университет***

Защита состоится _____ в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 93, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан " ____ " _____ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.В. Пискунова

Подписано в печать 21.10.2003

Формат 60 × 84 / 16. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем: 1,16 усл. печ. л.; 1,2 уч.-изд. л.

Тираж 100 экз. С. 704

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Уходя все дальше и дальше от советской эпохи, ученые переосмысливают многие положения отечественного литературоведения. Мы разделяем убеждения ученых, которые сейчас много пишут об органической связи культуры с христианством, разрабатывая в литературоведении "новый подход", вытекающий из различных типов культур, специфики самосознания. Основанный на духовности, "конфессиональном" принципе, он откроет широкие возможности познания глубинного воздействия православно-христианской культуры на создание и функционирование того или иного литературного произведения. В свое время в этом русле работали И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, П. А. Флоренский. В настоящее время этой проблемой активно занимаются литературоведы В. Н. Захаров, В. С. Непомнящий, И. А. Есаулов, Л. Г. Сатарова, М. М. Дунаев и многие другие. Для нас принципиально важно то, что ценности, которые сегодня в науке о литературе часто называются общечеловеческими, выработаны христианством. Именно им рождены многие идеи, воспринимающиеся сегодня как нечто само собой разумеющееся. Между прочим, им же было выработано и само понятие прогресса. Христианство не было пассивным во взаимодействии с унаследованной культурой, но наполняло его обновленным содержанием.

Отечественное литературоведение, выходя из-под мощного политического пресса, поворачивает в руслу лучших традиций классической словесности.

В последние десятилетия возрос интерес исследователей не только к творчеству тех писателей, изучение которых по тем или иным причинам ранее было невозможно, но и тех, которые в советское время изучались активно, глубоко и всесторонне. Так обстояло дело и с заявленными в исследовании авторами: М. Горьким (1868–1936) и С. Н. Сергеевым-Ценским (1875–1958).

Отечественными литературоведами П. В. Басинским, Т. Д. Беловой, Б. А. Бяликом, Н. В. Драгомирецкой, Г. Е. Жилиевым, В. А. Келдышем, Л. Ф. Киселевой, Л. А. Колобаевой, П. И. Плукшем, Н. Н. Примочкиной, Л. Я. Резниковым, А. С. Смирновым, Л. А. Спиридоновой, Л. Е. Хворовой, И. М. Шевцовым, Ю. М. Шпрыговым, А. Б. Удодовым и другими на протяжении долгих лет укреплялся фундамент горьковедения и ценсковедения.

На страницах монографий, докторских и кандидатских диссертаций, в статьях о Горьком и Сергееве-Ценском исследуются самые разные вопросы их творческого наследия: своеобразие поэтики, дискуссионные вопросы о так называемом "новом Горьком", проблемы периодизации, становления и развития миропонимания и многое другое. Одна из основополагающих черт, актуальных проблем современного ценсковедения и горьковедения – обращение к национальному своеобразию или, иначе говоря, самобытности творческого наследия обоих авторов. В последние годы также наблюдается тенденция к углублению изучения какого-либо конкретного периода творчества М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского, что обусловлено необходимостью более тщательного рассмотрения многих и многих деталей, не учтенных, не акцентируемых в советское время.¹ В основе исканий современных литературоведов – новые подходы к изучению классиков. За их пределами остаются этико-социологический, классовый принципы.

М. Горький и С. Н. Сергеев-Ценский – два великих писателя, открывших на редкость самобытный человеческий мир. Они прошли нелегкий жизненный и творческий путь. Общение С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького происходило по письмам (с 1916 года), и только один раз состоялась встреча (1928 год), однако это не помешало им стать откровенными и признательными друзьями.

Творческий путь Сергеева-Ценского, как и Горького, охватывает несколько трагических эпох, перевернувших судьбы всего человечества: четыре войны, три революции. Жизненный путь того и друго-

¹ См., к примеру, Белова Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890–1910-е годы) в контексте культурологических исканий эпохи: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 2001; Примочкина Н.Н. Горький и литературное движение 20-х годов: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 1993; Хворова Л. Е. Эпопея С. Н. Сергеева-Ценского "Преображение России" в культурно аксиологической парадигме русской литературы: Дис. ... докт. филолог. наук. – М., 2000 и др.

го – это беспрерывные идейные и художественные искания, которые позволили им наиболее полно выразить отношение к окружающему миру и человеку. Их путь сложен, противоречив, неровен.

М. Горький характеризовал судьбу С. Н. Сергеева-Ценского как "одну из труднейших карьер".² То же самое можно сказать и о судьбе М. Горького. Он был страстной, непредсказуемой личностью. Долгие годы в советском литературоведении создавался миф о всезнающем оракуле, поучающем своих собратьев по ремеслу и будто специально рожденном лишь для пропаганды социальной борьбы. Путь М. Горького, как теперь выясняется, был иным – напряженным, отнюдь не без разочарований и заблуждений, и овеванным извечной мечтой о красоте и счастье.

Писателей всегда сближала вера в Россию, в человека, которую они пронесли через всю жизнь. Если обратиться к эпистолярному наследию писателей, то именно это является лейтмотивом их переписки.

Уникальный эпистолярный материал двух значительных художников, во многом по-разному оценивающих переживаемое ими время, – революцию, войну, место человека в мире, но сходящихся в мысли о позиции писателей, самой литературе двадцатых годов, литературном процессе, об искусстве в целом и многом другом, позволяет наиболее полно воссоздать творческий феномен того и другого мыслителя, проникнуть в их внутренний поэтический мир, при этом открывая до сих пор неизвестные штрихи их творческого и в какой-то степени жизненного пути.

Актуальность исследования определяется сложившейся в горьковедении и ценковедении ситуацией. Настало время уточнения творчества писателей как "некого эстетического единства" (Т. Д. Белова, Т. П. Леднева), как некоего "единого целого феномена в рамках культурно-аксиологической парадигмы" (Л. Е. Хворова), в ракурсе православия (как предполагает П. В. Басинский).

В связи с намеченным учеными вектором развития ценковедения и горьковедения в диссертации представляется актуальной попытка выявить этимологию этико-религиозных взглядов М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского и в этом ракурсе – прочтение концепции мира и человека в творчестве обоих писателей; констатация как их "сближения", так и "отталкивания". Кроме того, до сих пор ученые лишь эпизодически, фрагментарно обращались к уникальному материалу эпистолярного наследия двух выдающихся классиков XX столетия,¹ и, как правило, стихийно, не с целью сопоставления этих художников, во многом определявших облик российской действительности. Письма С. Н. Сергеева-Ценского к М. Горькому, хранящиеся в московских архивах, большей своей частью даже не изданы до сих пор.

Актуальность исследования определена также и тем, что представляется необходимым осмыслить психологию творчества писателей в сопоставлении, обусловленную их мироощущением. Изучение особенностей религиозно-нравственных основ творчества С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького является ключом к пониманию многих характерологических отличий их поэтики.

В связи с этим определяется **цель диссертационного исследования**: изучить материалы переписки по архивным документам и опубликованным источникам, на этом основании сопоставить и уточнить концепции мира и человека обоих писателей, развитие их этико-религиозных взглядов и в этой связи своеобразие поэтических приемов, обозначить пути "сближения" и "отталкивания" двух выдающихся писателей первой половины XX столетия. Цель работы определяет ее ключевые **задачи**:

- скорректировать прочно сложившиеся в науке, местами упрощенные аспекты художественно-философских исканий писателей;
- проанализировать произведения С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького, о которых идет речь в переписке, и обновить этот анализ в русле конкретных тех или иных авторских размышлений (повесть Сергеева-Ценского "Чудо", романы "Валя" и "Обреченные на гибель"; произведения Горького "Проводник", "Жизнь Клима Самгина", публицистика);

² Горький М. Предисловие к переводу 1-й части "Преображения" С. Н. Сергеева-Ценского на мадьярский язык // Собр. соч. С. Н. Сергеева-Ценского: В 10 тт. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 595.

¹ См., к примеру: Шпрыгов Ю. М. М. Горький и С. Н. Сергеев-Ценский. (Из истории переписки) // Вестник Ленинградского ун-та. – 1968. – № 8. – Вып. 2; Баранова Н. Д. К характеристике гуманизма Горького (М. Горький и С. Сергеев-Ценский в 20-е годы) // М. Горький и русская литература. – Горький, 1970; Берестовская Д. С. Гениальный писатель и крупнейший общественный деятель (С. Н. Сергеев-Ценский и М. Горький) // Ученые зап. Московского пед. ин-та. – 1971. – № 456.

• на основании анализа эпистолярного наследия – писем М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского друг к другу с привлечением важнейших трудов М. Горького (заметки "О русском крестьянстве", "Две души", "Несвоевременные мысли") – уточнить взгляды обоих писателей на мир и человека в предреволюционные и послереволюционные годы, на судьбу России и культурную ситуацию в целом, сложившуюся в стране после Октября.

В качестве рабочей **гипотезы** в настоящей **диссертации** предлагается следующая проблема: истоки мировидения М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского принадлежат разным полюсам. Концепция мира и человека первого автора восходит к традициям русских революционных демократов (Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев) и – отчасти – к трудам немецких классиков периода "Бури и натиска", в то время как С. Н. Сергеев-Ценский развивал идеи Ф. М. Достоевского, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, а также современных ему представителей русской религиозно-философской мысли – С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, отчасти, Н. А. Бердяева.

Данная гипотеза представляется тем более очевидной, поскольку в последнее время в литературоведении, к примеру, основательно разрабатывается тема "Горький и Ницше".¹

Диссертация написана **на материале** эпистолярного наследия С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького. При этом в качестве **объекта** исследования выбрана проза обоих писателей и публицистика М. Горького.

Предметом диссертационного исследования являются основополагающие произведения С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького, созданные, а главное – упоминаемые в период переписки – с 1916 по 1936 годы: роман "Жизнь Клима Самгина", рассказ "Проводник" М. Горького, роман "Валя" ("Преображение"), цикл "Крымские рассказы" С. Н. Сергеева-Ценского. Кроме этого, с целью проследить "этимологию веры" того и другого, рассматриваются "дооктябрьские" произведения писателей, в том числе "определяющие" характер их миропонимания – "Мать" (М. Горький) и "Лесная топь" (С. Н. Сергеев-Ценский).

Методы изучения. Основополагающим в диссертации является сравнительно-типологический метод исследования; контактно-генетический подход (В. М. Жирмунский), текстологические изыскания, а также историко-функциональный метод изучения русской классической традиции в творчестве крупнейших прозаиков XX века.

Теоретико-методологическая база исследования. Используются фундаментальные труды русских мыслителей – М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Ю. Ф. Самарина, В. С. Соловьева, Г. П. Федотова, П. А. Флоренского, А. С. Хомякова, а также художественно-философские размышления Ф. М. Достоевского.

К работе привлечены исследования некоторых современных С. Н. Сергееву-Ценскому и М. Горькому критиков, историков литературы и литературных эмигрантов – Е. Колтоновской, Д. Мережковского, К. Мочульского и других. Учтен опыт уже упомянутых ценковедов и горьковедов, а также современных литературоведов, так или иначе разрабатывающих концепцию мира и человека: В. В. Агеносова, Н. В. Борисовой, А. А. Газизовой, К. Д. Гордович, И. Г. Минераловой, Л. В. Поляковой, В. А. Редькина, С. И. Тиминой и многих других.

Автор опирается также на работы современных ученых, в том числе обратившихся к исследованию отечественной литературы в контексте православия, прежде всего, М. М. Дунаева, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова,

В. С. Непомнящего, Л. Е. Хворовой и некоторых других.

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Переписка С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького – уникальное источниковедческое полотно, которое ярко и всесторонне воспроизводит контуры мировидения обоих авторов на протяжении двадцати лет – периода их творческой зрелости – с 1916 по 1936 годы; обозначение границ творческих этапов в рамках литературоведческой дисциплины понимается как условное.

¹ В настоящее время по этой проблеме написаны две диссертации: Басинский П. В. Ранний М. Горький и Ницше (мировоззренческие истоки творчества М. Горького 1892–1905 гг.): Дис. ... канд. филолог. наук – М., 1997; Соколова Ю. П. Архетип "Ницше" в русской литературе 1890–1910 гг.: Дис. ... канд. филолог. наук. – Магнитогорск, 2002.

2 Материалы рассматриваемого эпистолярного наследия позволяют констатировать следующее: выявление базисных постулатов концепции мира и человека в творчестве обоих писателей не может быть всесторонне осуществлено без обращения к их этико-религиозным взглядам, сопоставления духовно-нравственной позиции, вне изучения "этимологии веры" как идейно-нравственного катализатора С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького. Их нравственно-философская и поэтическая концепция восходит к разработкам русских и зарубежных мыслителей XIX–XX веков и во многом является сознательным, либо интуитивным воплощением их базовых положений.

3 Горьковская концепция мира и человека, порою принципиально подвижная и отличная от взглядов Сергеева-Ценского, которая была относительно стабильной, постоянно развивалась и уточнялась на протяжении всего рассматриваемого периода.

4 В качестве основополагающих произведений, определяющих основные контуры мировосприятия писателей, видятся повести М. Горького "Мать" и С. Н. Сергеева-Ценского "Лесная топь".

5 Оценка, определяемая М. Горьким и С. Н. Сергеевым-Ценским, литературно-общественной ситуации послереволюционной эпохи, совпадающая по одним вопросам и принципиально противоположная по другим, позволяет с большей степенью объективности воссоздать сложный и противоречивый облик российской действительности тех лет.

6 Материалы переписки позволяют оценить и сопоставить литературно-критические взгляды С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького, о которых в литературоведческих трудах до сих пор говорилось относительно мало и традиционно. Писателями оригинально осмысливались некоторые новаторские и поэтические приемы друг друга, что послужило поводом для корректировки уже существующего в научных трудах анализа произведений 1920-х годов, которые С. Н. Сергеев-Ценский и М. Горький называли ключевыми в своем творческом наследии. Взгляды М. Горького о ситуации в послереволюционной России формировались в том числе и на основании информации, которую он получал из писем С. Н. Сергеева-Ценского.

Научная новизна. В настоящей диссертации углубленно изучаются творческие взаимоотношения двух выдающихся классиков XX столетия, причем анализ проводится строго в рамках сравнительно-типологической методики. Исследование осуществляется в соответствии с логикой рассуждений С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького, а главное – в соответствии с *упоминанием* произведений, встречающихся в переписке, при этом акцент делается на тех письмах, которые в советское время были запрещены к публикации цензурой. Это касается, в основном, писем С. Н. Сергеева-Ценского.

Впервые сопоставительный анализ двух писателей-современников С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького проводится в аспекте православно-христианской парадигмы.

Теоретическая значимость исследования определяется уточнением ряда концептуальных положений, ранее не акцентируемых либо не замеченных в ценковедении и горьковедении; осуществляемой попыткой так называемого "целостного" рассмотрения концепции мира и человека в заданном контексте понимания.

Практическая значимость заключается в том, что диссертация расширяет круг работ, посвященных С. Н. Сергееву-Ценскому и М. Горькому. Материалы могут использоваться в вузах при чтении курсов истории русской литературы XX века, для разработки спецкурсов и спецсеминаров по проблемам литературного процесса XX века.

Апробация диссертации осуществлялась на IV научной конференции ТГТУ (1999), на учебно-методических семинарах кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета. Часть материалов послужила основой доклада на международной научно-практической конференции "Культура на рубеже тысячелетий" (Тамбов, 2000), а также на Третьей Всероссийской научной internet-конференции "Компьютерные технологии в образовании ComTech 2001" (Тамбов, 2001). Проблемы, затронутые в диссертации, обсуждались на IV Всероссийских чтениях, посвященных братьям Кириевским, "Оптина пустынь и русская культура" (Калуга, 2001). По теме диссертации опубликовано шесть работ.

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний. Приложен список использованной литературы, состоящий из 549 на-

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи, определяется проблематика работы, указывается исследуемый материал.

Глава первая "Начало пути. К проблеме этимологии этико-религиозных взглядов М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского". *Параграф первый: "Поэтико-философские системы М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского: сближение и отталкивание"*. М. Горький и С. Н. Сергеев-Ценский – художники философствующие.¹ При исследовании развития этико-религиозных взглядов М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского принимается за основу то, что обоих писателей объединяла вера в человека, хотя у Горького доминировал социально-исторический аспект изображения, а у Сергеева-Ценского, особенно, на раннем этапе – "этико-психо-логический, с отдаленными признаками конкретно-исторической социальности".²

М. Горький – писатель, масштаб которого как бы определяет облик всей эпохи, ее типологию. Начало XX века – эпоха, которая, вне сомнения, носила во многом отзвук идейных и художественно-философских убеждений именно его, М. Горького. Христианство постепенно подменялось гуманистическими мечтами. Несмотря на расцвет религиозно-философской мысли, мы следуем за утверждением Н. Бердяева, что серебряный век был лишь "тенью" христианства.

Постулаты М. Горького о том, что смысл жизни – в творчестве, культивирование им разумного начала в жизни во многом совпадают с постулатами Ф. Шиллера ("Письма об эстетическом воспитании"). Именно в этом философском труде ярко проступает безрелигиозное истолкование человека. И сфера познания, и моральная сфера зависят от эстетической сферы, а ее первичность дает новое понимание духовной жизни человека, его творческой активности.

Воспринимая как-то слишком прагматически и рационально основные постулаты христианства, будучи далеким от так называемой "живой веры", о которой много говорили в XIX веке Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, ранние славянофилы, Максим Горький совершенно неправомерно видел в христианской религии только лишь ставки на жалость, а в феномене Христа – некий "психологический казус" (кстати, так писал С. Аверинцев о нищенском Христе). Сам характер восприятия Горьким исконно христианских, онтологических понятий, таких, как "жалость", был, надо признать, в сущности своей не христианским, а обыденно, даже обывательски житейским. Ему не суждено было художественно проникнуться в весь сокровенно мудрый смысл этого ключевого понятия христианства.

Очевидно, что ранние произведения Горького навсегда остались в его художественной памяти. "Монолог" Горького был местами вызывающ; он упрямо противостоял мирозданию, "бесконечно воспроизводя перед ним себя".¹ Вот поэтому, думается, его "рассказчик" (или назовем его условно "лирический герой") отнюдь не "бесстрастен" или "беспристрастен" (А. С. Пушкин), а, напротив, если можно так выразиться, "сверхпристрастен". В центре мира М. Горького – человек, человеческое начало. Человек творит Богов, и он же их низвергает. Такое "творение Богов" в нашем аспекте понимания означает глубочайшую апостасию, которая в немалой мере определяет развитие человечества в XX столетии.

У С. Н. Сергеева-Ценского все иначе. Важность соотношения Бога (Неба) и Земли подтверждается и непосредственными высказываниями самого С. Н. Сергеева-Ценского, предпринятыми им, например, в набросках к роману "Валя": "Никуда я не могу уйти от земли, <...>. И зачем же живет человек, как не за тем, чтобы познавать Бога, и разве это не богатейший, не прекраснейший материал для Богопознания – Земля?"² Это высказывание как нельзя более глубоко позволяет распознать сущность мировосприятия писателя, приближающегося к своей творческой зрелости.

Следует подчеркнуть, что С. Н. Сергеев-Ценский понимает и глубоко осознает, что рационализм не

¹ См. Агеносов В. В. Советский философский роман. – М., 1989. – С. 11–13.

² Смирнов А. С. "Преображение России" С. Н. Сергеева-Ценского. Концепция, жанр, стиль: Дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1973. – С. 38.

¹ Непомнящий В. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии А. С. Пушкина. – М.: Советский писатель, 1987. – С. 268.

несет в себе этического начала, следовательно, на него недопустимо опираться в творчестве. Только интуиция несет заряд этический, а логично, и формирует нравственный идеал. Нравственный же идеал невозможен без поиска Бога. Где? По православному, в самом себе, около себя, рядом с собой.

Постижение духовного идеала у М. Горького фактически наблюдается на протяжении всего творческого пути, отсюда и бесконечные афористические высказывания типа: "правда выше жалости".¹ Этот тезис пройдет лейтмотивом через все его дооктябрьское творчество. Он будет вкладывать его в уста самых разных персонажей. В ранних произведениях писателя не столько происходит отражение всей полноты жизни, сколько восприятие жизни самим Горьким, а оно – откровенно мрачное и подчас трагическое. "Разорванное сознание" (М. М. Дунаев) М. Горького привело его в конце концов к ощущению в своем мировидении двоебожия.

Горьким подчас решительно отвергались те истины, которыми жил православный русский человек. Он искал природу нравственного совершенства в отрыве от божественной сущности. Может быть, поэтому ему был неприемлем Достоевский, которого очень любил Сергеев-Ценский. Вероятно, поэтому его размышления, скажем, о русском крестьянстве все-таки слишком субъективны и предвзяты. Суждения Горького, например о крестьянах, воссоздают не столько истинную картину их дореволюционного бытия, сколько передают это бытие через призму устоявшегося уже к этому времени (1910–1920-м годам) мировоззрения писателя и его художественной философии.

С. Н. Сергеев-Ценский, как писатель и как человек, всегда отвергал кровопролитие, которое для него было наглядным свидетельством преступления, отступничеством от Божьей правды.

Для Горького "подвиги и преступления" составляют единый семантический ряд. Кто же виноват в том, что человек решается на преступление? "Среда заела", по формуле Ф. М. Достоевского? Нет, виноват – ни много, ни мало – весь мир, а следовательно, Бог. Писатель увлечен "бесстрашной независимостью и силой личности в сочетании с агрессивностью и волей к насилию, считая их признаками внутренней цельности и уверенности в собственных силах". Преступление здесь – свидетельство жизненной силы. "Моральные устои" как ограничения и "жизнь" как свобода явно противостоят друг другу, причем "жизнь" рассматривается как более высокая ценность".²

Художник, по М. Горькому, должен создавать истину: "Художник не ищет истины, он создает ее".¹ Для С. Н. Сергеева-Ценского Истина – неприкосновенна.²

Как известно, мечта в святоотеческом предании – синоним слову "грех". Применительно к мировосприятию М. Горького мечта имеет основополагающее значение. Верно, на наш взгляд, эту способность писателя оценил В. Ходасевич: "Способность человека осуществить надежду ценит он не высоко, но самая эта способность к мечте, дар мечты – приводили его в восторг и трепет. Создание какой бы то ни было мечты, способность увлечь человечество он считал истинным признаком гениальности, а поддержание этой мечты – делом великого человеколюбия".³

Во втором параграфе первой главы "Бунт и сострадание как два способа самоопределения человека в мире. Повести "Мать" и "Лесная топь" в связи с поставленной проблемой сопоставляются два ключевых произведения, во многом определяющих творческое кредо двух писателей. Констатируется противоположность их взглядов. Если принять утверждение о том, что бунт и сострадание – два вектора адаптации человека в мировом пространстве, то совершенно очевидно, что М. Горький, в отличие от своего оппонента, избирает первый путь.

Осмысление революционной идеологии в контексте трансформированного христианства идет в русской литературе от усилий Н. Г. Чернышевского рассмотреть революционную борьбу в качестве замены прежней религии. Горький видится как последователь именно этого пути. Он, независимо от своих личных взглядов, явился фактически "художественным" основателем не только русской революционной природы, но и революционной природы вообще, совершенно адекватно рассмотревшим характеры "новых" людей. Это, кстати говоря, резко отличало его от позиций

² Сергеев-Ценский С. Н. наброски к роману "Валя". – РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Ед. хр. 235.

¹ Горький М. Полное собр. соч.: В 25-ти т. – М., 1968–1976. – Т. 15. – С. 20.

² Соколова Ю. П. Архетип "Ницше" в русской литературе 1890–1910 гг.: Дис. ... канд. филолог. наук. – Магнитогорск, 2002. – С. 102–103.

¹ Горький М. Полное собр. соч.: В 25 т. – М., 1968–1976. – Т. 16. – С. 364.

² Сергеев-Ценский – Полонскому: Письмо от 1 марта 1926 года. – РГАЛИ. Ф. 1328. О. 1. Ед. хр. 313.

³ Ходасевич В. Горький // Колеблемый треножник. Избранное. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 362.

С. Н. Сергеева-Ценского, который подобные характеры изобразил в резко саркастических тонах. Опираясь на суждения Ф. М. Достоевского, которые в данном случае выступают, своего рода, "энциклопедическими", автор диссертации стремится выявить "западную" (в духовном смысле) природу русской революции и обнаружить ее преломление в характерах горьковских персонажей. Революция в повести "Мать" понимается, прежде всего, как обновление веры. В повести "Мать" обращают на себя внимание три основополагающих момента: искажение Христа и Христовой истины, беспокойство за "низкую" земную власть, иными словами, построение рая на земле, пренебрежение к Церкви.

Христос, его облик деформируется в повести неоднократно и весьма причудливо. Он олицетворяется то с Разумом, то с Огнем, то с неким коллективным единством.

Характерной особенностью повести "Мать" является то, что Горький пишет о революционерах как о симпатичных, возвышенных, прекрасных людях. Они переживают в повести нравственную эволюцию, но преобразование их – чисто внешнее и не касается духовной сущности. Они не вырабатывают в себе духовного смирения, а, напротив, призывают к бунту, его провозглашают и его обещают. Основопологающей чертой их становится не жалость, а откровенная, беспощадная жестокость. Вот эта готовность к самому страшному преступлению сводит их так называемое "преобразование" к нулевой отметке. В повести очевидно невидимое, откровенно не задаваемое Горьким, но все же деление на "учивших" и "учимых", просматривается и то, что герои-революционеры фактически лишены свободы выбора: "Кто не с нами, тот против нас". Итак, существенно важно, что грех не уходит из жизни этих "преображенных" людей. Движение от ада на земле к раю на земле – вот та траектория, которая занимает героев М. Горького. Рай на земле представлен по-горьковски в *мечтах* героев.

Если М. Горький в повести "Мать" фактически суммирует свои художественно-поэтические установки, объявляя абсолютное "да" необходимости так называемых "внешних", социально-экономических перемен,

то С. Н. Сергеев-Ценский, напротив, в "Лесной топи" – произведении равнозначном по масштабу повести "Мать", пытается разобраться в глубинах, генезисе и, так сказать, иерархии человеческой греховности. Ему важно подчеркнуть способность человека, и в частности, женщины (что очень важно), выживать с осознанием собственной греховности, под его тяжестью. В Антонине происходит борьба веры и суеверия. В повествовании подчеркивается именно незнание Антониной основных постулатов православной веры, с другой же стороны, подчеркивается динамика отпадения от Бога: Антонина "любила быть в церкви" – ей "стало душно в церкви" – "стала бояться церкви".¹ Совершая преступления, убивая свое дитя, Антонина полагает, что делает для девочки доброе дело: кому она будет нужна?

Усугубление греха Антонины очевидно еще и в том, что теперь она *ищет* "позора" – искупленья. Причем, интересно, что "искупление" она понимает весьма оригинально – как некое "наказание" плоти (связь с уродом Зайцевым). Кстати, несмотря на то, что она *сама* избрала себе *характер* искупления (что недопустимо с точки зрения христианской этики), Антонина его не выдерживает и терпит полный духовный крах.

Глава вторая "На изломе. Дискуссии о мире и человеке в 1910–1930 годы. Параграф первый: "Расхожусь я с Вами в отношении к человеку..." М. Горький о "Крымских рассказах" и о "Вале".

В эти годы Горький и Сергеев-Ценский продолжают развивать полемику о человеке уже на эпистолярном уровне. В одном из писем к М. Горькому С. Н. Сергеев-Ценский пишет: "Тема о человеке, которая нравится Вам очень, <...> не только "большая тема", – она, я думаю, единственная".¹ Сергеев-Ценский также считал эту тему главной, но у него к этому как будто другое отношение: "Вам человек нравится, а мне – так себе". Соглашаясь и восхищаясь "Чудом" С. Н. Сергеева-Ценского, М. Горький далеко не во всем соглашается с ним: "Расхожусь я с Вами в отношении к человеку. Для меня он не "жалок".² Если у Горького человек – это "<...> великолепно, <...> это звучит гордо <...>", то настоящий человек у Сергеева-Ценского еще не родился (рассуждения в письмах, "Печаль полей").

К началу 1920-х годов Горький претерпел полное крушение своих романтических абстракций. Реальность была убийственно тяжела. Показательно то, что именно в это время он восторженно отозвался

¹ Сергеев-Ценский С. Н. Собр. соч.: В 12 т. – М.: Правда, 1967. – Т. 1. – С. 220.

¹ Сергеев-Ценский – Горькому: Письмо от 19 января 1928 года. – Личный Архив М. Горького. – Ш КГ-П-71-2-24. – № 29531.

² Горький – Сергееву-Ценскому: Письмо от 30 декабря 1927 года // Собр. соч.: В 30 т. – М., 1955. – Т. 30. – С. 56–58.

о повести Сергеева-Ценского "Чудо": "<...> очень хорошая вещь!"³ Отзыв о "Чуде" С. Н. Сергеева-Ценского наглядно подтверждает то, что особенно не акцентируется в горьковедении. В данном случае мы солидарны с П. В. Басинским, что "<...> и художественное творчество, и публицистика, и переписка Горького неопровержимо доказывают, что в его глазах вера нуждалась не в уничтожении, но в спасении и возрождении".⁴ Горький, очевидно, верить хотел, но не обладал каким-то духовным чутьем, что, напротив, дано было Сергееву-Ценскому.

Однако тот же М. Горький, высказывая восторженные суждения о романе "Валя", в своем духе особенно восхищается Павликом Каплиным, "мечтательным мальчиком подвига". Авторские характеристики в романе этого увечного мальчика скупы и лаконичны, но предельно выразительны: "Он думал о подвиге и самоубийстве"; "Он еще не вполне осознавал, что чувство, его охватившее, была едкая зависть"; "Павлик ясно и полно почувствовал, что он – калека, и что он несчастен, и что он – один".

Неслучайны восхищения М. Горького и Наташей, очень характерным женским образом. Его Сергеев-Ценский замысливал вполне современно: "Создать образ Натальи Львовны из простых, чисто женских мелочей: например, физические: голые руки, сладострастный большой рот, <...>, трогательная забота о сложной прическе, <...>".¹ Вполне логично, что и сам сюжет, в центре которого – "ретроперсонаж" (Л. Е. Хворова) – человек, которого нет в живых, Валя, жена Алексея Ивановича Дивеева, изменившая ему с *молодым* Ильей, человеком, в ком Сергеев-Ценский стремился подчеркнуть крепкую физическую силу, конечно же, понравился Горькому. Логично, что понравился Горькому и образ Вали, отличающийся "большой силой и злостью". Илья тем и покорила Валу, "что он сила".²

Другая повесть из цикла "Крымские рассказы" – "Жестокость" – Горькому, напротив, не понравилась. Почему? Ведь по пафосу она сходна с заметками "О русском крестьянстве" самого Горького. Зло не может быть онтологично душе, а является лишь следствием грехопадения. Именно этот невидимый акцент, обозначенный в подтексте повести, и не пришелся, очевидно, Горькому по душе. Есть и еще причина ее неприятия писателем. Это не что иное, как принципиальное, глубокое расхождение обоих писателей в художественно-философской концепции природы "детскости", "юности". М. Горький всегда предпочитал "мудрости старости" "мудрость молодости", Сергеев-Ценский – наоборот. В диссертации приводятся аргументированные обоснования этой проблемы.

Для С. Н. Сергеева-Ценского прошлое – святое и очень дорогое и не отмершее, а уходящее.³ Об этом свидетельствует, в частности, и жанровая палитра его произведений. Такие компоненты, как "поэмность", "мемуарность", присутствуют постоянно в его рассказах, повестях, романах. Глубинно-философский, спокойно-уравновешенный с оттенком тихой, прозрачной грусти пафос С. Н. Сергеева-Ценского в этом аспекте близок пафосу И. С. Тургенева, в частности роману "Отцы и дети". На страницах диссертации в этом ракурсе анализируется также и проблема отношений С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького к семье и браку (повесть "Мать" М. Горького и роман С. Н. Сергеева-Ценского "Обреченные на гибель"), проблема ответственности "невинных" детей (повесть "В грозу") в аспекте православно-христианской аксиологии.

В начале 1920-х годов М. Горький с гневом выступает против насилия, против пагубного для России идейного максимализма, против подавления восстаний (к примеру, Кронштадского мятежа), против арестов интеллигенции. Таких же убеждений придерживается и С. Н. Сергеев-Ценский. Однако у писателей в эти годы очевидны принципиально разные мотивы данных взглядов. Следует согласиться с Л. А. Колобаевой, утверждавшей, что Горький расценивает Октябрь как *преждевременный* и опасный для России эксперимент, жестокий опыт. Изо дня в день М. Горький выступает с позиций "*защитника демократии и культуры*".¹ Как и М. Горький, С. Н. Сергеев-Ценский писал и об отсталости, и о некультурности русского мужика, однако он был

³ Горький – Сергееву-Ценскому: Письмо до 20 июля 1923 года // Собр. соч.: В 30 т. – М., 1955. – Т. 29. – С. 410–411.

⁴ Басинский П. В. Ранний М. Горький и Ницше (мировоззренческие истоки творчества М. Горького 1892–1905 гг.). – М., 1997. – С. 105.

¹ Сергеев-Ценский, С.Н. наброски к роману "Валя". – РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Ед. хр. 235.

² Там же.

³ См.: Хворова Л. Е. Эпопея С. Н. Сергеева-Ценского "Преображение России" в контексте русской литературы. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2000. – С. 34–70.

¹ Колобаева Л. А. "Жизнь Клим Самгина". Автор и герой // Неизвестный Горький (к 125-летию со дня рождения). Материалы и исследования. – М.: Наследие, 1994. – Вып. 3. – С. 291.

убежден, что для России пагубна сама *идея* революции, ибо она неизбежно уничтожит все самобытно-русское. Из переписки очевидно, что в 1920-е годы С. Н. Сергеев-Ценский остался верен своему "христианскому" реализму. Убежденный в невозможности полной познаваемости бытия, он по-прежнему утверждает его Божественную основу ("Смерть ребенка" ("В грозу")).

Писатель возражает и по поводу абсолютизации разума и обожествления науки, по поводу поклонения научно-техническому прогрессу (купированный отрывок из повести "В Грозу", "Младенческая память"), словом, по поводу всего того, чему поклонялся М. Горький.

Остро, с горечью высказывались писатели по поводу гибели самобытной культуры России. В связи с этим анализируется причина упоминания в одном из писем к Горькому Сергеевым-Ценским новеллы Ф. М. Достоевского "Бобок", а также упоминаемый в качестве понравившегося Сергееву-Ценскому рассказ Горького "Проводник".

Высказывается предположение, что и для Горького в 1920-е годы становится все более понятным, что наука не должна абсолютно претендовать на истинность, она не может быть равноправной по отношению к вере, духовному началу.

Параграф второй: "В поисках обновленных форм. "Жизнь Клима Самгина" и "Преображение России". Россия реальная и воображаемая".

В письмах к Горькому Сергеев-Ценский особенно подчеркивал свою необщественность: "<...> ни в каких газетах не участвовал, ни с какими речами не выступал, – вообще являлся и являюсь только сторонним наблюдателем, каким мне, по-видимому, и суждено быть <...>".¹ Сложилось так, что информацию о жизни в послереволюционной стране Горький получал и из писем С. Н. Сергеева-Ценского. Следует заметить, что С. Н. Сергеев-Ценский вполне адекватно представлял себе все происходящее в стране; он понимал, что разрастается борьба против деятелей культуры и искусства: "<...> не согласился с Вами в том, что будто бы "теперь все больше, чем когда бы то ни было, нуждаются в <...> милосердия искусства" (может быть, на Западе, а у нас только — "на бой, на бой!" – и со всяким искусством вообще ведут победоносную, конечно, борьбу, то ликвидируя одного деятеля искусства, то другого)".² Несмотря на различие, иногда и принципиальное, во взглядах и убеждениях, М. Горький, как и С. Н. Сергеев-Ценский, верил в талантливость России, в то, что ее человек может стать прекрасен, добр, мудр. Писатели с большим вниманием и любовью относились друг к другу, по крайней мере, такой вывод напрашивается из анализа переписки. Горький пытался помогать Сергееву-Ценскому. Он ценил его как человека и писателя: "<...> Вы такой большой, насквозь русский <...>".³

Пик переписки С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького пришелся на середину 1920-х годов – время смутное, трагическое, когда ребром стоял ужасающий по своему смысловому наполнению вопрос: быть или не быть России? В диссертации анализируются причины изменения поэтики М. Горького и С. Н. Сергеева-Ценского в 1920-е годы. Развивается мысль, что как рассказы М. Горького начала 1920-х годов, так и "Крымские рассказы" С. Н. Сергеева-Ценского этих же лет были творческой прелюдией к главным произведениям – "Жизнь Клима Самгина" и "Преображение России".

Работая над своим великим произведением "Преображение России", С. Н. Сергеев-Ценский постоянно спрашивал совета у М. Горького, с нетерпением ждал отзывов великого писателя. Горький, возможно, был единственным человеком, кто объективно отзывался о Сергееве-Ценском как о большом художнике.

С. Н. Сергеев-Ценский, в свою очередь, с восторгом принял "Жизнь Клима Самгина" и назвал его самым значительным произведением М. Горького. В письмах Сергеев-Ценский дает отзыв на "Жизнь Клима Самгина". Случилось так, что именно он оказался пусть стихийным, но все-таки чуть ли не первым исследователем этого итогового горьковского произведения. Писатель акцентирует внимание на многих поэтических моментах романа, а также на афористичности языка. Афоризмы, пронизывающие всю его художественную ткань от начала до конца, создают, по мнению Сергеева-Ценского, полную картину жизни России в ее общенациональном целом. В связи с этим на страницах исследования предпринимается попытка проанализировать природу афористичности как явления несамобытного.

¹ Сергеев-Ценский – Горькому: Письмо от 31 января 1921 года. – Личный архив М. Горького. – III КГ-П-71-2-5. – № 31540.

² Сергеев-Ценский – Горькому: Письмо от 28 декабря 1926 года. – Личный архив М. Горького. – III КГ-П-71-2-12. – № 29544.

Сергеев-Ценский отметил также то, что форма нового произведения М. Горького очень точно соответствует духу предреволюционного времени с его сумятицей, разбродом в умах, духовной неразберихой. Писатель имел в виду избыточность диалогов, перенасыщенность ими повествования. Тягучее повествование соотносится с личностью главного персонажа: жизнь его, как и жизнь вообще, по Горькому, такая же тягучая, вязкая, занудная.

Писатель отмечает очень важный принцип изображения действительности в "Жизни Клим Самгина" – кинематографичность. С. Н. Сергеев-Ценский смог увидеть в новом романе М. Горького сочетание традиционных, классических принципов письма с оригинальным и временами смелым новаторством.

Оценивая "Жизнь Клим Самгина", Сергеев-Ценский отмечал точное следование Горького "правде жизни" (например, характер Степана Кутузова).

В диссертации отмечаются наиболее важные и характерные детали "сближения", а также "отталкивания" "Жизни Клим Самгина" и "Преображения России" – произведения, которое в эти годы замысливал Сергеев-Ценский.

На рубеже 1920–1930-х годов Сергеев-Ценский откровенно не принимал оригинальных поисков новых форм в художественных произведениях. Он критически отзывался о повести Олеси "Зависть", "Дьяволиаде" Булгакова. Непонятен был для него и Маяковский. При этом все "новые" откровенно противопоставлялись Горькому со знаком "минус".

Упоминания в различных письмах к Горькому в 1920-е годы свидетельствуют о том, что главным своим творческим делом в это время он считал создание "Крымских рассказов" и романа "Обреченные на гибель". Он стремился к вневременной оценке событий и обобщенной художественной типизации и был благодарен Горькому за то, что тот адекватно оценил как роман "Преображение" ("Валя" и "Обреченные на гибель"), так и повесть "Чудо".

Хотя С. Н. Сергеев-Ценский внутренне не принимал осуществляемого Горьким в эти годы поиска новой формы, но, тем не менее, уважительно относился к этим поискам.

Заключение. Несмотря на предпринятое исследование, концепция веры, мира и человека, особенно у Горького, еще нуждается в тщательном уточнении. Судя по всему, М. Горький стремился уйти от той самой трагической раздвоенности, которая всю творческую жизнь так мучила его. Именно поэтому он по-хорошему завидовал духовной и творческой свободе С. Н. Сергеева-Ценского, не скрывая своего восхищения его поистине Божественным талантом – быть подлинным художником слова.

Хотя внешне на страницах переписки отношения Сергеева-Ценского и Горького складывались дружески тепло, тем не менее, они были серьезными оппонентами.

В заключении обобщаются принципиальные разногласия двух писателей и в соответствии с этим намечаются пути дальнейшего исследования.

М. Горький и С. Н. Сергеев-Ценский отразили в своем творчестве две противоположные грани сложнейшей, трагически противоречивой эпохи, свидетелями которой им суждено было стать. Они уравновешивали друг друга, как неизбежно уравновешивают друг друга молодость и зрелость, дерзновение и спокойная мудрость, лед и огонь. Эти противоположности, в конечном счете, и организуют то, что называется жизнью на земле.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1 *Немцова Н. М.* Горький и Сергеев-Ценский: Опыт публицистики и эпистолярного наследия / Н. М. Немцова // IV научная конференция ТГТУ: Материалы конф. – Тамбов, 1999. – С. 91–92.

2 *Хворова Л. Е.* Горький о художественном мастерстве Сергеева-Ценского (на материале писем Сергеева-Ценского к Горькому) / Л. Е. Хворова, Н. М. Немцова // IV научная конференция ТГТУ: Материалы конф. – Тамбов, 1999. – С. 89–90.

3 *Немцова Н. М.* Концепция мира и человека в художественно-философских системах М. Горького и

³ Горький – Сергееву-Ценскому: Письмо от 28 марта 1927 года // Собр. соч.: В 30 т. – М., 1955. – Т. 30. – С. 13.

С. Н. Сергеева-Ценского / Н. М. Немцова // Культура и образование на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / ТГУ. – Тамбов, 2000. – С. 204–205.

4 *Хворова Л. Е.* Художественно-философская интерпретация новеллы Ф. М. Достоевского "Бобок" в произведениях С. Н. Сергеева-Ценского 20-х годов / Л. Е. Хворова, Н. М. Немцова // Труды IV Всероссийских чтений, посвященных братьям Киреевским "Оптина пустынь и русская культура". – Калуга: ИД "Эйдос", 2001. – С. 58–62.

5 *Немцова Н. М.* "Свет разума" в художественной интерпретации А. М. Горького (на материале рассказа "Проводник") / Н. М. Немцова // Третья Всероссийская науч. internet-конф. "Компьютерные технологии в образовании ComTech2001: Естественные науки и гуманитарная сфера" / ТГУ. – Тамбов, 2001. – Вып. 16. – С. 52–53.

6 *Немцова Н. М.* О художественно-философских системах С. Н. Сергеева-Ценского и М. Горького. Штрихи сопоставительного анализа / Н. М. Немцова // Художественное слово в современном мире: Сб. науч. ст. / ТГТУ. – Тамбов, 2002. – Вып. 4. – С. 8–13.